

УДК 111+16

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-1-6-13

Дата: поступления статьи: 18.01.2021
после рецензирования: 02.03.2021
принятия статьи: 01.04.2021

А.Ю. Нестеров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: aynesterow@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>

Семиотика как методология и онтология

Аннотация: в статье формулируются категории общей семиотики: знак, значение, семиозис, слой и вектор семиозиса. Цель рассуждения – показать методологию семиотического исследования как такового, а общую семиотику – в качестве онтологии. Результат рассуждения заключается в демонстрации семиотического круга познания и деятельности, включающего в себя объекты восприятия как знаки чувственного восприятия, предметы рассудка как знаки языка и понятия разума как сложноорганизованные знаки рефлексии. Рецептивный и проективный векторы семиозиса вводятся в качестве прямого познания и рефлексивной деятельности соответственно. Переход от познания к деятельности – как интуиция, организованная в моделях афоризма, диалога или системы как философских изобретений в смысле И.И. Лапшина. Возникающая в интуиции проблема нового рассматривается как вопрос о трансформации конкретного семантического, синтаксического или прагматического правила в слое восприятия, рассудка или разума. Онтологический тезис, защищаемый в рассуждении, заключается в том, что с позиций общей семиотики объективно существуют не объекты, предметы или понятия, но правила семиозиса: поскольку условием возможности знаковой деятельности являются правила, поскольку правила составляют объективное незнаковое значение, извлекаемое семиотической рефлексией, постольку они являются тем, что объективно существует во взаимодействии среды и субъекта.

Ключевые слова: общая семиотика, семиозис, знак, значение, семиотический круг, философские изобретения.

Цитирование: Нестеров А.Ю. Семиотика как методология и онтология // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 1. С. 6–13. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-1-6-13>.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00462 А.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Нестеров А.Ю., 2021** – доктор философских наук, доцент, исполнительный директор социально-гуманитарного института, заведующий кафедрой философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

A.Yu. Nesterov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: aynesterow@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>

Semiotics as methodology and ontology

Abstract: the article formulates the categories of general semiotics: sign, meaning, semiosis, layer and vector of semiosis. The purpose of the reasoning is to show the methodology of semiotic research as such, and general semiotics as ontology. The result of the reasoning is to demonstrate the semiotic circle of cognition and activity, which includes objects of perception as signs of sensory perception, objects of mind as signs of language and concepts of reason as complexly organized signs of reflexivity. The receptive and projective vectors of semiosis are introduced as direct cognition and reflexive activity respectively. The transition from cognition to activity - as intuition, organized via the models of aphorism, dialogue or system as philosophical inventions in the sense of I.I. Lapshin. The problem of the new that arises in intuition is considered as a question of the

transformation of a specific semantic, syntactic or pragmatic rule in the layer of perception, mind or reason. The ontological thesis supported in the reasoning is that objects, subjects or concepts are not entities, but the rules of semiosis from the standpoint of general semiotics. By virtue of the fact that the conditions for the possibility of sign activity are the rules, by virtue of the rules constitute an objective unsigned meaning extracted by semiotic reflexivity, insofar as they objectively exist in the interaction of the environment and the subject.

Key words: general semiotics, semiosis, sign, meaning, semiotic circle, philosophical inventions.

Citation: Nestrov, A.Yu. (2021), Semiotics as methodology and ontology, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 6–13, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-1-6-13>.

Acknowledgments: the reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00462 A.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Nesterov A.Yu., 2021 – Dr. phil. habil, Associate Professor, executive director of the Institute of Social Sciences and Humanities, head of the Philosophy Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение. Понятие знака

Невозможно воспринимать, рассуждать или выполнять какие-либо действия, не обращаясь к предметом восприятия, рассуждения или деятельности как со знаком. Никакой предмет никогда не существует сам по себе, в себе или для себя. Он всегда обозначает нечто, находящееся вне его, включен в систему предметов, задающую его конкретное место, даже существует в качестве предмета только потому, что употребляется в актах восприятия, коммуникации или деятельности как определённый знак. Это исходное положение вещей наглядно сформулировано в метафоре пещеры Платона, в мифе о богине Майе, набросившей на мир своё покрывало, в тысячах философских, литературных и кинематографических текстов вплоть до киберпанка, демонстрирующего иллюзорный и рукотворный характер человеческого универсума.

Знак – философская категория. Невозможно ответить на вопрос, что есть знак, не пользуясь знаками и знаковыми системами, не участвуя в процессах интерпретации и образования знаков. Поскольку невозможно выйти из процессов семиозиса, постольку определение знака, как правило, формулируется функционально или генетически. Знаком является то, что употребляется в качестве знака, системно связано с другими знаками, выполняет функцию обозначения.

«Средство, которое применяется или может применяться, чтобы познать действительность другой вещи, есть знак (*signum*), назначение знака – обозначаемое (*signatum*). Следовательно, знак – источник познания действительности обозначаемого..., между ними – знаковая взаимосвязь..., которая называется значением...» (Baumgarten 2004, p.71). Это формулировки А.Г. Баумгартена, предложенные им в «Метафизике» в 1739 году. Его ученик Г.Ф. Майер в «Попытке об общем искусстве истолкования» в 1756 году повторяет и дополняет эти определения: «Знак (*signum, character*) есть средство, через которое может быть познана действительность другой вещи. Вещь в той мере,

в какой её действительность познаётся из знака, называется обозначаемым (*signatum*), она называется значением знака (*significatus*), поскольку её действительность познаётся из знака. Следовательно, значение есть намерение знака, а знак – основание познания обозначаемой вещи» (Meier 1996, p. 7). Современное употребление термина «знак» восходит к статье «О смысле и значении» Г. Фреге 1892 г. (Фреге 2000), где значение знака определено как обозначаемый знаком предмет, а смысл знака – как системный способ данности значения. В XX в. понятия «семиозис» или «знаковый процесс», различие семантических, синтаксических и прагматических правил восходят к статье «Основания теории знаков» Ч.У. Морриса (Morris 2001), обобщающей колоссальный теоретический базис как наследия Ч.С. Пирса, так и логического позитивизма (Nöth 2000). Общая идея репрезентационизма в его семиотическом выражении сформулирована Э. Кассирером в «Философии символических форм» как восхождение от «сферы чувственного восприятия к сфере созерцания, от созерцания к понятийному мышлению, а от него – к логическому суждению» (Кассирер 2002, т.1, с. 245).

Восприятие, язык, интеллект

Теория познания, будь она реалистского или конструктивистского толка, исходит из того, что первичные ощущения, возникающие в живом организме в ответ на то или иное внешнее раздражение и обрабатываемые затем сверхсложными алгоритмами живой материи, являются знаками, указывающими на те или иные положения дел в самом организме или за его пределами. Ощущения, превращаемые в процессе восприятия в объекты, существуют не сами по себе, но в качестве обозначений тех положений дел, что требуют учёта и внимания со стороны организма. За счёт рассудка или – в терминах XX в. – за счёт языка комплексы ощущений в качестве объектов обозначаются словами, предложениями или текстами. Язык опредмечивает ощущения чувственного

восприятия, которые объективируют те положения дел, что служат изначальным стимулом к взаимодействию внешнего и внутреннего в живом организме. Два слоя знаковых процессов – восприятие и язык – находятся в сложном взаимодействии, которое после Н. Кузанского (Кузанский 1979) выражается иерархией инстанций восприятия, рассудка и разума, связанных процедурой рецептивного или проективного обозначения.

В кантианской традиции всякое «явление» есть знак «вещи самой по себе», возможный за счёт пространства и времени как врождённых навыков восприятия. В модели общей семиотики распознаваемый средствами чувственного восприятия объект является способом задания объективно существующего значения, возможным благодаря имеющимся у организма навыкам распознавания. Любой воспринимаемый объект является смыслом некоторого иначе не доступного значения, где смысл – продукт конкретного организма, заданный его биологией и историей. Как можно видеть, семиотика полностью снимает противопоставление реализма и конструктивизма: минимальный семиотический треугольник, фиксирующий «явление», требует учёта значения как реальности среды, относительно которой осуществляется указание, так и механизмов формирования внутрисистемных способов задания значения, смыслов, посредством которых это указание осуществляется и вне которых оно просто невозможно.

Межсубъектный язык – наиболее изученный и ясно определяемый слой семиозиса. Проблема соотношения «слов и вещей» есть вопрос о соответствии двух систем кодирования: внутрисубъектных процессов познания и межсубъектных процессов коммуникации. Синтаксический аппарат естественного языка так же относится к обозначаемым посредством него явлениям чувственного восприятия, как и синтаксический аппарат восприятия – к обозначаемой среде объективной реальности. Знак языка в виде элемента алфавита или звука, слова, предложения представляет собой способ задания значения как воспринимаемого объекта. Для самых простых случаев употребления естественного языка, «протокольных предложений» (Stöltzner, Uebel 2006, p. LVI–LX), знак языка – это способ задания способа задания обозначаемого действительного положения дел. На уровне рассудка как межсубъектного языка существенную роль играют навыки означивания, правила употребления знаков в качестве знаков, прагматика семиозиса.

Невозможно естественнонаучными средствами объяснить, почему воспринимаемый объект «стол» задаётся языковым предметом «стол»: синтаксическая последовательность из четырёх букв русского языка каузально никак не связана с процессом работы нервной системы, формирующей эту пер-

цепцию. Тем не менее, мало кто ошибётся в эмпирической интерпретации в случае стола или аналогичных элементов базисной лексики. Знак естественного языка «стол» функционирует как обозначение формируемого восприятием образа стола в силу памяти, опыта, сформированной привычки, навыка применения этого слова. Извлечь этот навык сугубо из правил образования и преобразования знаков невозможно. Семантические и прагматические правила языкового знака обладают существенно большим количеством степеней свободы, нежели аналогичные правила знаков чувственного восприятия, это обстоятельство затрудняет естественнонаучный анализ феномена межсубъектного кодирования. Прагматика восприятия прошита в физиологическом аппарате восприятия, прагматика коммуникации свободно настраивается в процессах небологического наблюдения информации.

Взаимодействие семиозиса восприятия и семиозиса языка фиксируется разумом или интеллектом (*intellectus, Vernunft*). Всякий раз, когда возникает вопрос о том, как языковой предмет, сформированный в диахронии и синхронии культуры, соотносится с чувственно воспринимаемым объектом, сформированным физиологией *homo sapiens*, ответ на него возникает в анализе интеллектуального понятия. Разум – третий слой семиозиса, фиксирующий в «понятиях», «концептах» или «фантазмах» исторически и симультанно возникающие формы рефлексии, задающие объекты восприятия на фоне предметов рассудка. Общая семиотика, вводя интеллект как самостоятельный слой семиозиса, занимает в целом реалистскую позицию, восходящую к Платону, Августину, Ансельму, Декарту. Допущение «мира идей» или «врождённых идей» как конечного множества денотатов, доступных интеллекту и превращающих семиозис познания и семиозис деятельности в обозначение или осуществление тех или иных вневременных сущностей, позволяет в целом избавиться от бесперспективного схоластического поиска оснований рефлексии в языке и восприятии как таковых. Великие представители позитивной метафизики XX в. в том или ином виде разделяют реалистскую интерпретацию семиозиса. К.Р. Поппер допускает, наряду с «третьим миром» языка, существование четвёртого и пятого миров этики и эстетики (Поппер 2008) и таким образом заново открывает возможность вневременного анализа ценностей: теоретическая и практическая работа над понятиями как комплексами рефлексивных правил задания предметами объектов есть осуществление истины, добра и красоты. Ф. Дессауэр (Дессауэр 2017), разделяя сформулированный П.К. Энгельмейером (Энгельмейер 2013) подход к технике, формулирует идею «четвёртого царства техники» как мира «предустановленных

форм решений», из которого черпаются изобретения как способы решения практических задач. Технические решения осуществляют ценность «пользы»: интеллект функционирует как инструмент извлечения единственно верного в данных условиях решения, которое в режиме объективации как проективного обозначения выражается межсубъектным языком и осуществляется за счёт обработки в слое чувственного восприятия как новый объект.

Онтология и методология

Общая семиотика является онтологической доктриной, утверждающей знаковый характер любого рода объектов, предметов, понятий, процессов, состояний и положений дел, с которыми человек имеет дело. Теория познания и теория деятельности представляют собой комплексы знаковых процессов, так что невозможно ощутить, назвать, помыслить или осуществить такое положение дел, которое не было бы исполнением того или иного правила семиозиса. Это изначальное положение дел, фиксируемое и в мифологической картине мира, и у истоков античной философии, интуитивно влекущее требование найти неизменное основание изменчивого семиозиса. Что является неизменным в текучей воде, где «бытие» Парменида? Историко-культурным ответом является, например, миф о «необусловленном знании» в эпосе «Трипура Рахасья», об «Абстрактном Разуме, из которого возникает Космос, в котором он расцветает и в котором он растворяется, подобно отражениям в зеркале» (Трипура Рахасья 2015, с. 295). Историко-философским ответом – система Г.В.Ф. Гегеля, где «мир» как таковой есть продукт самосознания Абсолютной Идеи, возникающий в диалектическом движении от логики через природу к сознанию (Гегель 1974).

Эти ответы, равно как и сотни их литературных интерпретаций, утверждают неизменное бытие как порядок осуществления семиотических правил. Подлинно существуют лишь правила. Сложность этого онтологического тезиса лишь в том, что нигде в природе как таковой правила прямо не наблюдаются и не именуется, они выявляются разумом в акте самопознания через сопоставление объектов и предметов и фиксируются в исторической памяти, как правило, в языковой форме в виде абстрактных высказываний, лишённых непосредственного эмпирического значения. Знак в качестве значения может обозначить лишь знак – это открытие всеобщей герменевтики XVII века прямо говорит о том, что незнаковым знакового процесса является правило его осуществления. По этой причине, если смотреть на существующее глазами формальной логики, подлинно существующими оказываются лишь два денотата, истина и ложь. Изящное продолжение этого примера сфор-

мулировано Н. Луманом в виде системы бинарных кодов тех или иных сфер коммуникации культуры, где с позиции каждого отдельного кода существует или не существует лишь то, что им задаётся (Луман 2005).

Правила, правила для правил, правила для правил для правил – это предмет семиотики как онтологии. Здравый смысл и обыденное сознание имеют дело с объектами, предметами и понятиями как таковыми, фиксируя их преимущественно через реализацию семантического правила. Научное познание в модели Венского кружка как соединение чувственного восприятия и логического анализа языка стремится к выявлению синтаксических правил для объектов, предметов и понятий. Семиотическая онтология как новая попытка построения модели «единой науки» стремится к выявлению комплексов прагматических, синтаксических и прагматических правил познания и деятельности.

Методология как таковая является инструментом онтологического анализа, превращающим, в терминах Х. Вольфа, смутную «естественную онтологию» в точную «искусственную онтологию» (Wolff 2005, p. 51–53), позволяющим решать задачи, добываясь поставленной цели. История философии знает четыре глобальные цели, в снятом виде в качестве ценностей присутствующие во всякой деятельности: истина, добро, красота, польза. Это врождённые идеи или обозначаемые интеллектом денотаты, вокруг которых выстраивается семиозис познания и деятельности.

Стремление к истине является основанием эпистемологической рефлексии, формирующей исследовательскую активность. Стремление к добру создаёт этическую рефлексию, формирующую нормы деятельности; стремление к красоте – эстетическую, приводящую к нормам художественной самореализации. Стремление к пользе создаёт технику как форму истинностного удовлетворения желаний и потребностей. Семиотическая природа процессов познания и эстетической деятельности изучена чрезвычайно подробно, в сфере техники и этики сделаны лишь первые шаги, так что терминологический аппарат семиотики как таковой носит во многом эпистемический характер.

Собственно метод семиотического исследования заключается в том, чтобы всякое явление рассматривать как знак, выявлять его правила, определять слой и вектор семиозиса, находить базовую цель семиозиса. Если то или иное явление рассматривается в качестве знака, то оно: осуществляет семантическое правило (связывает смысл и значение индексальным, иконическим или символическим правилом обозначения), синтаксическое правило (обладает смыслом как исчислимым местом в системе знаков, является результатом обра-

зования и преобразования комбинаций элементов алфавита, аксиом или принятых предпосылок), прагматическое правило (интерпретируется в силу навыка, нормы или теории в качестве знака на некотором незнаковом фоне, включенного в синтаксическую систему и выполняющего функцию обозначения), материально воплощено (выражено в том или ином материальном субстрате, позволяющем реализовать прагматическое, синтаксическое и семантическое правила). Осуществление этих четырёх правил определяется слоем семиозиса: знаки чувственного восприятия (объекты), знаки рассудка (предметы), знаки разума (понятия) обладают не только различающимся материальным субстратом, но по-разному реализуют функции обозначения, выражения и применения (интерпретации в качестве знака). Знак «вода» как ощущаемая водная гладь, как слово «aqua» или запись H_2O , как рефлексивное соотнесение слова и ощущения включен не только в разные материальные среды, но и в разные прагматические, синтаксические и семантические ряды.

Различение слоёв семиозиса позволяет выявить референцию знака, возможности наложения синтаксических систем разных уровней, задающих знак, сложностное взаимодействие навыков применения знака. Определение вектора семиозиса позволяет осуществлять процедуры целеполагания и целереализации, дифференцируя задачи получения новой информации и использования имеющейся информации для создания новых положений дел. П.К. Энгельмейер остроумно отмечал, что в магии следует различать два случая: «когда красна девица гадает и когда она ворожит» (Энгельмейер 2010, с. 36). В психологических терминах это векторы субъективации и объективации, интериоризации и экстеризации, в терминах Э. Кассирера это ситуация, когда один и тот же знак рассматривается либо как символ, либо как орудие труда (Шольц 2020). В терминах общей семиотики это рецептивный и проективный векторы. Полный круг семиотической деятельности сознания включает в себя три слоя, вектор семиозиса позволяет определить правило следования слоёв друг за другом. Рецептивный семиозис – это ситуация прямого познания, в которой объекты чувственного восприятия обобщаются в предметах рассудка: на первом шаге осуществляется восприятие, на втором – языковое схватывание, на третьем – категориальное обобщение средствами интеллекта. Идеальным результатом рецептивного семиозиса является понятие, сформированное индуктивным обобщением. Проективный семиозис – это ситуация косвенного познания или разумной рефлексии, в которой понятия конкретизируются рассудком и воплощаются в слое чувственного восприятия: на первом шаге осуществляет себя идея как продукт разума, на

втором – рассудочная конструкция идеи путём языкового выражения, на третьем – воплощение конструкции путём обработки физической материи.

Различение векторов семиозиса наследует противопоставлению индукции и дедукции, исторически оно возникает вместе с абдукцией как методом выдвижения объясняющих гипотез для проблематических суждений. Абдуктивный, или гипотетико-дедуктивный метод, или метод «проб и ошибок» исходит из примата проблемы над чувственными данными и готовыми теоретическими решениями. Проблема определяется в качестве неполноты и неопределённости знака того или иного слоя в рамках того или иного правила семиозиса (Нестеров 2020). «Пробное решение», гипотеза, разрешающая проблему, – это новая идея, озарение, откровение или прозрение, нуждающиеся в воплощении, то есть в проверке средствами языка и восприятия. Логика и методология науки разрабатывает правила абдукции, в то время как философия техники посвящает существенные усилия разработке правил акта технического творчества. «Трёхакт» П.К. Энгельмейера (Энгельмейер 2010, с. 103), три формообразующие способности человека у Ф. Дессауэра (Дессауэр 2017) позволяют увидеть проективный вектор семиозиса как обращение прямого познания, ведущего к созданию нового в каждом из слоёв знаковых процессов (Нестеров 2017).

Наиболее сложными вопросами при анализе векторов семиозиса остаются момент перехода от рецепции к проекции и момент новизны, возникающей в этом переходе. Традиционно переход от познания к действию фиксируется в понятии интуиции, различаются чувственная, рассудочная и интеллектуальная интуиция как уровни осознания комплексов правил, задействованных в этом переходе (Лосский 1995). Семантически интуиция маркируется потерей знаком прямого значения и обретением им косвенного значения в акте рефлексии. Классический пример – рождение философского непредметного языка в милетской школе: «вода» или «воздух» перестают обозначать ощущаемые объекты и начинают обозначать понятия, задающие онтологические модели «мира в целом». Синтаксически – осознанным учётом системы мест, через которые осуществляется предметное выражение, увеличением числа применяемых в этом выражении правил. После порождения философского языка милетцами количество предметных мест, через которые задаётся онтологическое основание сущего, не поддается учёту и требует кропотливого историко-философского анализа.

Прагматически – новым навыком использования синтаксиса не только в целях констатации текущих положений дел, но и в целях создания новых мест, через которые осуществляется задание существующих и несуществующих пока значений.

Теория творчества, как правило, подчёркивает, что акт интуиции свойственен человеку. Переход от познания к действию, связанный с пересборкой опыта, памяти и влекущий трансформацию того или иного правила семиозиса, – это повседневная рутинная практика, которая осознаётся в качестве таковой лишь в случае столкновения с радикально новыми правилами. Ситуации последнего рода переживаются как «откровение» или «озарение».

Рутинная интуиция преодолевается двумя путями: входящими значениями и рефлексивной переработкой понятий (теорий), обеспечивающих репрезентацию входящих значений. Поиск новых прямых ощущений и переживаний как стремление к новым объектам и предметам побуждает человека к путешествиям в физическом, литературном, ментальном мирах; поиск алгоритмов рефлексии – к философствованию, мистическому, духовному и научному поиску. Цель знания о знании в анализе интуиции – в осознании правилсообразности слоёв восприятия, рассудка и даже разума, в отчётливом понимании характера новизны, входящей с каждым актом интуиции в семиотический круг познания и деятельности.

Учитывание нового

Новое как таковое – это изменение семантического, синтаксического или прагматического правила семиозиса в слое восприятия, рассудка или разума, возникающее в прямом познании или рефлексивном техническом действии. В общей схеме семиотического круга можно выделить восемнадцать модельных способов осуществления нового, где в прямом познании сдвиги вызываются учитываемыми сознанием изменениями окружающей среды, а в проективной рефлексии – изменением применяемой сознанием теории репрезентации. Наиболее масштабные случаи последнего рода описаны И.И. Лапшиным как «философские изобретения» (Лапшин 1999). На фоне восходящей к В. Дильтею (Dilthey 1914) концепции сменяющих друг друга мировоззрений или картин мира идея философских изобретений позволяет с большей ясностью увидеть конкретно-исторический характер абстрактного мышления, его развитие и влияние на актуальное состояние науки и техники. «Афоризм», «диалог» и «система» как изобретения – это способы задания как теоретического мышления в целом, так и конкретных механизмов интуиции в частности.

Афоризм как первое философское изобретение позволяет сознанию создавать беспредметные предметы, то есть знаки рассудка (предложения языка), обладающие не сводимым к эмпирическим данным значением. А.Ф. Лосев приводит, например, анализ тавтологии, которую можно рассматривать в качестве одного из инструментов

афористического мышления (Лосев 1995). В афоризме появляется возможность зафиксировать наличие объективных структур рефлексии как чего-то, стоящего за лишённым эмпирики языком. В условиях этой первой формы задания интуиции проективный семиозис осознаётся как магия. Диалог, изобретённый в древней Индии и Греции и получивший новые неожиданные формы в христианской культуре Нового Времени, позволяет конкретизировать употребление неэмпирического языка, закрепить случаи его абстрактного употребления, сформулировать возможность вопрошания и тем самым осуществить идею субъекта как собеседника и партнёра. Открытие возможности диалога человека с природой у Ф. Бэкона и Г. Галилея на фоне ресурсов, извлечённых из диалога человека с самим собой и с другими людьми, создаёт основание для изобретения системы: «Systema est compendium, in quod multa congregatur» (Micaelismus 1653, p. 1053) или «единство многообразных знаний, объединённых одной идеей» (Кант 1994, с. 606). «Система» на протяжении последних четырёх веков оказалась тем способом задания интеллектуальной интуиции, который позволил создать схемы прямого и косвенного познания, определившие становление и развитие науки, а с конца XIX в. – схемы действия, определяющие развитие технологий. Модель правилсообразного круга познания и деятельности в общей семиотике – это один из результатов изобретения системы.

Кризис системы. Заключение

Глобальные цели семиозиса заключаются в обозначении и осуществлении незнаковых сущностей, учитываемых интеллектом: истины, добра, красоты и пользы. Это метафизическое и во многом теологическое утверждение, восходящее к Платону, которое общая семиотика не может не разделять, описывая структуры познания и деятельности. Обозначение и осуществление истины – это конкретизация понятий и их технических применений; добра – конкретизация норм и их реализаций; красоты – переживание и создание художественных объектов; пользы – понимание и решение проблем посредством исполняющих задачу технических объектов. Вся сумма частных актов деятельности, связанных с осуществлением той или иной осознаваемой смутно или отчётливо версии инобытия в ответ на так или иначе поставленный вопрос или задачу, определяется системой теорий, на уровне семантики разума обозначающей эти «вневременные» и «внепространственные» денотаты.

Семиотическая онтология и методология не подразумевают этической нейтральности. Прогресс как рост сложности теоретически и практически учитываемых правил деятельности, как со-

здание новых искусственных сред жизни человека после 1945 года (Nesterov 2021; Nesterov 2020) влечёт кризис «системы» как исчерпание ресурсов, поставленных в распоряжение человека в результате изобретения экспериментального естествознания Галилеем. Выражение этого кризиса во многом связано с отказом от критического системного мышления, с распространением иррационализма, подменой онтологического и методологического анализа идеологическими ярлыками. Действительно, девиз постмодерна «мир есть текст» (Лиотар 1998) можно и нужно принять, если под «миром» понимать полученную рефлексией искусственную онтологическую модель, под «текстом» – предложения, как нечто, выраженное, ограниченное и структурное (Лотман 1998, с. 61–63), на том или ином языке в том или ином материальном субстрате, где язык – это объективно существующая сумма семантических, синтаксических и прагматических правил; если помнить, что текст как первичная или вторичная моделирующая система задаёт ту или иную внетекстовую реальность и, будучи отождествлённая с миром как таковым, она не может не задавать ту или иную версию «блага» Платона, пусть даже в форме его отрицания.

Тезис, повторяемый в этой статье, заключается в утверждении правил как того, что существует в качестве условия возможности семиозиса. Афоризм открывает человеку факт существования ненаблюдаемой реальности, диалог позволяет конкретизировать её в моделях субъекта и объекта, выйти в абстрактных построениях естественного языка и математики за пределы эмпирии, найти твёрдое основание эмпирической проверки неэмпирических теорий, система открывает двери для науки, техники и прогресса как такового.

Кризис системы как изобретения, выраженный в том числе в философском постмодернизме, свидетельствует о развёртывании нового философского изобретения, пока только контурно демонстрирующего новый уровень сложности семиозиса. Это изобретение среды, соотносимой с системой так, как последняя соотносится с диалогом, а тот в свою очередь с афоризмом. Познание сложности, анализ, учёт и применение навыков деятельности в условиях «среды» как нового уровня взаимодействия рецепции и проекции – задача семиотического исследования в ближайшие годы.

Библиографический список

- Baumgarten, A.G. (2004), *Metaphysik*, Jena, Germany.
- Dilthey, W. (1914), *Weltanschauung und Analyse des Menschen seit Renaissance und Reformation Abhandlungen zur Geschichte der Philosophie und Religion*, Leipzig, Germany.
- Meier, G.F. (1996), *Versuch einer allgemeinen Auslegungskunst*, Hamburg, Germany.
- Micraelisus, J. (1653), *Lexicon philosophicum terminorum philosophis usinatorum*, Jena, Germany.
- Nesterov, A.Y. (2021), Clarification of the Concept of Progress Through the Semiotics of Technology, Bylieva D., Nordmann A., Shipunova O., Volkova V. (eds), *Knowledge in the Information Society, PCSF 2020, CSIS 2020, Lecture Notes in Networks and Systems*, vol. 184, Springer, Cham, DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-65857-1_1.
- Nesterov, A. (2020), Technology as Semiosis, *Technology and Language*, 1(1), 71–80, DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2020.01.16>.
- Nöth, W. (2000), *Handbuch der Semiotik*, Stuttgart, Weimar.
- Stöltzner, M., Uebel, T. (2006), *Einleitung der Herausgeber*, Wiener Kreis, Hamburg, Germany.
- Wolff, Ch. (2005), *Erste Philosophie oder Ontologie*, Hamburg, Germany.
- Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: В 3 т. Москва: Мысль, 1974–1977.
- Дессауэр Ф. Спор о технике: монография / перевод с нем. А.Ю. Нестерова. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 266 с.
- Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Т.3. Критика чистого разума. Москва: Чоро, 1994.
- Кассирер Э. Философия символических форм: В трех томах. Том 1. Язык. Москва; Санкт-Петербург: Ун. книга, 2002. 272 с.
- Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии. Москва: Республика, 1999. 399 с.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Москва: Институт экспериментальной социологии, Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. 159 с.
- Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. Москва: Искусство, 1995. 320 с.
- Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. Москва: Республика, 1995. 400 с.
- Лотман Ю.М. Об искусстве. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 1998. 704 с.
- Луман Н. Реальность массмедиа. Москва: Практис, 2005. 256 с.
- Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Степанов Ю.С. (сост.). Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 702 с. С. 45–98.
- Нестеров А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 155 с.
- Нестеров А.Ю. Типы неопределённости в рецептивном и проективном семиозисе // Философия науки. 2020. № 2 (85). С. 28–44. DOI: <https://doi.org/10.15372/PS20200203>.
- Кузанский Н. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. Об учёном незнании. Москва: Мысль, 1979. 488 с.

Поппер К.Р. Знание и психофизическая проблема: в защиту взаимодействия. Москва: Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.

Трипура Рахасья. Древний трактат по философии Веданты. Москва: Свет, 2015. 400 с.

Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов. Москва: Аспект Пресс, 2000. 512 с.

Шольц Г. Символы и орудия труда. Основы культуры у Шлейермахера и Кассирера // Пятые Лемовские чтения: сб. материалов Международной научной конференции памяти Станислава Лема / отв. ред. А.Ю. Нестеров. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020. 466 с. С. 134–148.

Энгельмейер П.К. Теория творчества. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 208 с.

Энгельмейер П.К. Философия техники. Санкт-Петербург: Лань, 2013. 96 с.

References

Baumgarten, A.G. (2004), *Metaphysik*, Jena, Germany.

Dilthey, W. (1914), *Weltanschauung und Analyse des Menschen seit Renaissance und Reformation Abhandlungen zur Geschichte der Philosophie und Religion*, Leipzig, Germany.

Meier, G.F. (1996), *Versuch einer allgemeinen Auslegungskunst*, Hamburg, Germany.

Micraelisus, J. (1653), *Lexicon philosophicum terminorum philosophis usinatorum*, Jena, Germany.

Nesterov, A.Y. (2021), Clarification of the Concept of Progress Through the Semiotics of Technology, Bylieva D., Nordmann A., Shipunova O., Volkova V. (eds), *Knowledge in the Information Society, PCSF 2020, CSIS 2020, Lecture Notes in Networks and Systems*, vol. 184, Springer, Cham, DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-65857-1_1.

Nesterov, A. (2020), Technology as Semiosis, *Technology and Language*, 1(1), 71–80, DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2020.01.16>.

Nöth, W. (2000), *Handbuch der Semiotik*, Stuttgart, Weimar.

Stöltzner, M., Uebel, T. (2006), *Einleitung der Herausgeber*, Wiener Kreis, Hamburg, Germany.

Wolff, Ch. (2005), *Erste Philosophie oder Ontologie*, Hamburg, Germany.

Hegel, G.W.F. (1974–1977), *Encyclopedia of the Philosophical Sciences*, in 3 vol., Mysl', Moscow, Russia.

Dessaujer, F. (2017), *Dispute about technology*, Izdatel'stvo Samarskoj gumanitarnoj akademii, Samara, Russia.

Kant, I. (1994), Critique of Pure Reason, *Collected Works in eight volumes*, vol. 3, Choro, Moscow, Russia.

Cassirer, E. (2002), *Language, Philosophy of symbolic forms*, in 3 vol., vol.1, Universitetskaja kniga, Moscow, St. Petersburg, Russia.

Lapshin, I.I. (1999), *Philosophy of Invention and Invention in Philosophy: An Introduction to the History of Philosophy*, Respublika, Moscow, Russia.

Liotard, J.-F. (1998), *The Postmodern Condition, Institut jeksperimental'noj sociologii*, Moscow, Al-etejja, St. Petersburg, Russia.

Losev, A.F. (1995), *The symbol problem and realistic art*, Iskusstvo, Moscow, Russia.

Losskij, N.O. (1995), *Sensual, intellectual and mystical intuition*, Respublika, Moscow, Russia.

Lotman, Ju.M. (1998), *About art, in: The structure of a literary text*, Iskusstvo-SPb, St. Petersburg, Russia.

Luhmann, N. (2005), *The reality of the media*, Praxis, Moscow, Russia.

Morris, Ch.W. (2001), Foundations of the theory of signs, *Semiotics: Anthology*, Ju.S. Stepanov (ed.), Akademicheskij proekt, Moscow, Delovaja kniga, Ekaterinburg, 702 p., pp. 45–98.

Nesterov, A.Ju. (2017), *Semiotic Foundations of Technology and Technical Consciousness*, Izdatel'stvo Samarskoj gumanitarnoj akademii, Samara, Russia.

Nesterov, A.Ju. (2020 a), Types of uncertainty in receptive and projective semiosis, *Filosofija nauki*, no. 2 (85), pp. 28–44, DOI: <https://doi.org/10.15372/PS20200203>.

Nicholas of Cusa (1979), *About scholarly ignorance, Collected Works in 2 volumes*, vol.1, Mysl', Moscow, Russia.

Popper, K.R. (2008), *Knowledge and the Mind-Body Problem: In Defence of Interaction*, Izdatel'stvo LKI, Moscow, Russia.

Tripura Rahasya (2015), *An ancient treatise on the philosophy of Vedanta*, Svet, Moscow, Russia.

Frege, F. (2000), *Logic and logical semantics, collection of works*, Aspekt Press, Moscow, Russia.

Scholtz, G. (2020), Symbols and tools of labor. Fundamentals of culture in Schleiermacher and Cassirer, *Pjatyje Lemovskie chtenija: sb. materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii pamjati Stanislava Lema*, A.Y. Nesterov (ed.), Samarskaja gumanitarnaja akademija, Samara, 466 p., pp. 134–148.

Jengel'mejer, P.K. (2010), *Creativity theory*, Knizhnyj dom «LIBROKOM», Moscow, Russia.

Jengel'mejer, P.K. (2013), *Philosophy of technology*, Lan', St. Petersburg, Russia.

Submitted: 18.01.2021

Revised: 02.03.2021

Accepted: 01.04.2021